
НЕНАШИ

Самой неблагодарной и художественно бесплодной была нацеленность славянофилов против «ненаших», либеральных западников, революционеров и демократов. Эта неприязнь переходила в каждодневную литературную полемику, журнальную перепалку по поводу отдельных произведений реалистического направления в литературе, «натуральной школы».

В этих своих столкновениях славянофилы начисто проигрывали все идеологические битвы.

В нашумевшем выпаде под названием «К ненашим» (декабрь 1844 г.) Языков громил «сладкоречивого книжника» Грановского, «поклонника темных книг и слов» Герцена, «изменника» и «клеветника» Чаадаева. Эти выпады возмутили общественность. Из славянофилов никто открыто от выпада не отмежевался. Где-то в душе они поддерживали Языкова, лишь двое-трое из них не одобрили его «крайностей». А он бросал западникам одно обвинение за другим:

Вы, люд заносчивый и дерзкой,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все — не русский вы народ!

Особенно доносительным духом было проникнуто написанное в те же дни послание Языкова к Чаадаеву, где

этот «западник» назван «плещивым идолом» и где выразилось сожаление: «Но ты еще не сокрушен». В посланиях к своим — к Константину и Ивану Аксаковым, Петру Киреевскому, Шевыреву, Хомякову, Каролине Павловой — тот же Языков прославлял крепкую спайку славянофилов в борьбе против «общего нашего недоброты», «начальника шайки бесталанной», то есть, как полагают комментаторы, против Белинского.

В какой степени все славянофилы были единодушны в крайних формах этой борьбы и так ли уж могут быть однозначными определения тех отношений, которые фактически складывались между славянофилами и инакомыслящими? Брань бранью, а дела обстояли сложнее. И это соображение снова возвращает нас к временным, когда складывалось само славянофильство, к истокам их идей, к внутренней противоречивости этих идей и, кстати заметим, к противоречивости тех западников, на которых они нападали. Сложность всех этих вопросов еще раз является источником той «недоспоренности» о славянофилах, с указания на которую мы начали эту книгу.

Стихи Языкова одобрил Петр Киреевский, но не одобрил Иван Киреевский. Одобрил Хомяков, но не одобрил Константин Аксаков и все Аксаковы. Но что из этого следует? Почти ничего. Кого-то не устраивали чрезмерно резкий тон, отдельные выражения, не совпадали личные симпатии и оттенки отношений к лицам, на которых совершено нападение, но в общем и целом все славянофилы так думали о своих противниках. У Константина Аксакова есть во многом похожие стихи на «К ненашим». Он «ненашими» готов был объявить и своих «гнилых союзников»... Чего уж можно было с него спрашивать, если он в послании к Н. М. Языкову в том же декабре 1844 года осуждал всех, кто говорил с гордостью о «ненашем» городе Петербурге, этом вертепе западнического разврата:

Тому руки я не подам,
Кто чтит тот град, народа бремя,
Всех Россиистыд и срам...

Он заранее называл тех «подлецами», кто стремился для преуспеяния попасть в Петербург. Он нападал на «Толпу эмпириков» (так называется у него стихотворение 1841 года), на людей, верящих голому факту, которым недоступен якобы свет мысли, все они «близорукая толпа», «им не понять ее деянье», их плоский рассудок способен порождать только «толпу теней», «бред», «призраки». Ведь в этих словах уже заключена программа будущих нападений на реализм «натуральной школы», якобы колающейся только в грязи действительности и чуждой идеалов, всего возвышенного. Тут славянофилы вполне смыкались с Булгариным. И позднее Константин Аксаков в стихах повторял давние доводы статей Ивана Киреевского. Это был их совместный выпад против теоретических основ рационалистов, западников, атеистов:

Отрекись своей гордыни,
В битву с небом не ходи,
Перед таинством святыни,
Перед богом в прах пади!

(«Разуму», 1857)

И у Ивана Аксакова, как мы уже отмечали, есть эта тема «ненашим», например, в «Голосе века» (1844). Выпады упреждают языковскую модель:

*

Ваше царство пасть готово,
Ваше благо — вред и ложь,
Ваш закон — пустое слово,
Ваша деятельность — тож!

А теперь вернемся к сложности взаимоотношений между теми, кто нападал, и теми, на кого нападали.

Тут опять встретишь или полемические антитезы при поразительном сходстве конструктивных элементов концепций (славянофилы и Чаадаев), или релятивное сосу-

ществование при обозначившейся уже разнице взглядов (славянофилы и Герцен), или упоминавшееся уже раздвоение единых исходных начал (славянофилы и Белинский).

Взаимоотношения славянофилов с Чаадаевым, уничтожения которого требовал Языков, носили крайне противоречивый и запутанный характер. Он был самым ярким их антагонистом-ультразападником, но он же и сближался с ними в ряде пунктов. Чаадаев был вечным поводом для салонных стычек, но именно поэтому славянофилы бывали у него дома на Басманной и он посещал их салоны.

А между тем «Философическое письмо» Чаадаева, опубликованное в «Телескопе» 1836 года (первое письмо из целого цикла писем), является удивительным примером того, как может быть выстроена вся система воззрений, которая будет тут же истолкована противниками «от обратного».

Некоторые исследователи полагают, что Иван Киреевский мог знать еще раньше это письмо и другие «философические письма», они циркулировали в московских кругах¹. Следы «чаадаевщины» усматриваются в некоторых скептических рассуждениях о современной России в статье Ивана Киреевского «Девятнадцатый век», напечатанной в «Европейце»². Но чрезмерно ни-

¹ Первое датировано 1829 годом. Пушкин, например, читал их в 1831 году и вернул их автору с обещанием потолковать о них со временем.

² См. об этом предположении в статье: П. Г. Виноградов. И. В. Киреевский и начало московского славянофильства.—«Вопросы философии и психологии», т. X. М., 1892; N. V. Riasanovsky, указ. соч., с. 29—31; P. Chrissoff, т. 2, с. 46—61. Э. Мюллер даже предполагает, что «если бы статья «Девятнадцатый век» Киреевского появилась после чаадаевского «Философического письма», то «Европейц» не был бы закрыт; там те же идеи, только выражены мягче, чем у Чаадаева». См.: E. Müller, указ. соч., с. 95, 121.

гилистическое отношение Чаадаева к прошлому России и пессимизм относительно ее будущего послужили не только поводом для построения славянофилами своей оптимистической «ретроспективной утопии», но и решающим толчком, чтобы незамедлительно сформулировать свою собственную программу¹. Через три года после выхода «Философического письма» появились рукописные записки Хомякова «О старом и новом» и Ивана Киреевского «В ответ А. С. Хомякову». Многие стереотипы их мыслей были уже заложены у их антагониста Чаадаева.

Истоком всех несчастий России Чаадаев считал из-

¹ Есть сведения, что славянофилы готовились тотчас же ответить Чаадаеву на страницах «Московского наблюдателя» статьей под названием «Несколько слов о «Философическом письме», напечатанном в 15 книжке «Телескопа». Но статья была вырезана цензурой из отпечатанных уже книжек журнала. (См. раздел о содержании «Московского наблюдателя» — автор Н. И. Мордовченко в кн. «Очерки по истории русской критики и журналистики». ЛГУ, 1950, с. 376.) Оттиск этой вырезанной статьи в 1938 году обнаружил сотрудник Пушкинского дома Я. И. Ясинский в поступившей тогда в Пушкинский дом библиотеке А. И. Тургенева. Статья без подписи, и Н. И. Мордовченко высказал предположение, что она принадлежит Хомякову. К сожалению, несмотря на все предпринятые попытки, нам не удалось обнаружить снова этот оттиск ни в библиотеке Пушкинского дома, ни в его рукописном фонде. Н. И. Мордовченко не указал, где хранится этот оттиск. Но что он сам его видел, свидетельствует чисто славянофильская цитата из статьи, которую он приводит, обосновывая авторство Хомякова: «Мы принимали от умирающей Греции святое наследие — символ искупления, и учились Слову, мы отставали его от нашествия Корана и не отдали во власть Папы, сохраняли непорочную голубицу, перелетевшую из Византии на берега Днепра и припавшую на грудь Владимира». Н. И. Мордовченко делает вывод: «Полемика с Чаадаевым велась с ярко выраженных славянофильских позиций, а в 1836 г. славянофильские взгляды Хомякова уже четко определились».

Следует согласиться с А. Фризманом, который в дискуссии 1969 года высказал умозаключение: если бы чаадаевское «Письмо» разрешили обсудить, то славянофильство заявило бы о себе уже в 1836, а не в 1839 г. («Вопросы литературы», 1969, № 7, с. 143).

вращенное христианство. Повинуясь нашей злой судьбе, мы обратились к жалкой, глубоко презираемой всеми Византии за тем нравственным уставом, который должен был лечь в основу нашего воспитания¹. Трусливая церковь в России извратила самую идею братства: она ни разу не выступила в защиту крестьян, превратившихся в рабов. Мы никогда не шли рука об руку с другими народами; «мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода»; «общий закон человечества отменен по отношению к нам»².

Но Чаадаев не оказался до конца последовательным в критике церкви. Он сам был, как известно, мистиком и подавал руку славянофилам. Чаадаев отождествлял желаемую новую социальную систему с церковью. Это для него — как и для славянофилов — одно и то же. Под эгидой церкви должны воскреснуть Россия и все человечество. Правда, он как «западник» считал, что царство божье уже отчасти воплотилось в западных странах, где меньше произвола, пренебрежения личностью. Он внимательно приглядывался к теориям Сен-Симона, Ламенне и разделял некоторые иллюзии христианских утопистов. Сходился Чаадаев со славянофилами и в других вопросах: в критике всего послепетровского уклада, в признании выпавших испытаний для русского народа произволением Промысла, неизбежностью и даже благом своего рода, чтобы потом русский народ-праведник воспрял и научил добродетели все другие народы Запада.

Встречая в московских салонах отпор некоторым своим ультразападническим идеям, Чаадаев постепенно еще больше стал сближаться с славянофилами. Публикация «Письма» для него была во многом анахронизмом.

¹ П. Я. Чаадаев, Соч. и письма, т. 2, с. 118.

² Там же, с. 108, 109 и 117.

Уже в переписке с А. И. Тургеневым осенью 1835 года он отгораживался от «крутни Запада», «ибо сами-то мы не Запад»¹. Это уже стремление оторвать Россию от Запада. Сама отсталость, отрещенность России от общечеловеческих интересов теперь оказывались благом, подчеркивающим особый миссионистский жребий России. «Мы призваны, напротив, обучать Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого... Таков будет логический результат нашего долгого одиночества: все великое приходило из пустыни»².

Чаадаев, некогда вдохновивший Пушкина на стихи об «обломках самовластья», по крайней мере теперь не был сторонником революции. В «Философическом письме» он говорил о восстании декабристов как о «гражданском несчастии», которое «отбросило нас на полвека назад». Это писалось примерно через четыре года после поражения восстания. И тут опять Чаадаев сходился с Хомяковым, который еще до восстания говорил Рылееву, что бунт в войсках — нечестное дело, нарушение присяги, «вещь, неприемлемая для России, не несущая свободы. Г. В. Плеханов отмечал, что в приемах мышления у Чаадаева было много общего с славянофилами³.

После опубликования «Письма» и официального объявления автора сумасшедшем Чаадаев написал «Апологию сумасшедшего» (1837, опубл. в 1862). Здесь он снова вернулся к некоторым прогрессивным идеям «Письма» и даже углубил их, он выступил против «новой школы» (то есть будущих славянофилов), которая провозгласила: «больше не нужно Запада», «не нужен Петр I». Этот «новоиспеченный патриотизм», по словам Чаадаева, спешит объявить нас любимыми детьми Востока.

¹ П. Я. Чаадаев. Соч. и письма, т. 2, с. 198.

² Там же, с. 201.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII. М.—Л., ГИЗ, 1926, с. 3—23.

Чаадаев глубоко проанализировал причины выступления «новой школы». Он чутко уловил, что совершается «реакция» против просвещения, против идей Запада, против тех идей, которые сделали нас тем, что мы есть, и плодом которых является сама эта борьба мнений.

Чаадаев обрушивается на все эти странные фантазии: «...в наши дни плохие писатели, неумелые антикварии (Погодин.— В. К.) и несколько неудавшихся поэтов (Хомяков, Языков.— В. К.) самоуверенно рисуют и воскрешают времена и нравы, которых уже никто у нас не помнит и не любит...»¹

С проникновенной страстью Чаадаев раскрывал сущность своего патриотизма и отводил наветы самозваных узурпаторов этого великого чувства. Он провел открытый бой с ними из-за понимания общественного долга. «Больше, чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою страну, желаю ей славы... Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами... я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю мое отчество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и посится со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дальние умы»². Надо твердо верить в народ, давший Ломоносова и Пушкина.

Сложными были и отношения славянофилов с Т. Н. Грановским. Грановский долго не мог переступить через большую личную привязанность к Ивану Киреевскому, ему казалось, что при всей разнице в убеждениях он как «честный человек» может дружить со славяно-

¹ П. Я. Чаадаев. Соч. и письма, т. 2, с. 225.

² Там же, с. 226.

филами¹. Но вскоре пришлось разочароваться и начать отражать нападения «славян».

Грановский боролся со славянофилами с кафедры Московского университета. Он доказывал в лекциях историческую обреченностъ феодализма. Говорил, что родовой, общинный быт был свойствен не только славянам, но и кельтам и другим германским племенам². В «Письме из Москвы» («Отечественные записки», 1847, № 4) он полемизировал с воззрениями на искусство Хомякова и защищал статьи Белинского. Все больше и больше знаменитый профессор убеждался, что для славянофилов «вся мудрость человечества исчерпывается... в писаниях отцов церкви». Он делал для себя вывод: надо быть последовательным в борьбе с ними. «Нет, господа,— говорил он друзьям,— я каюсь в своем глупом заблуждении. Белинский тысячу раз прав. Примирение с господами, действующими против нас такими средствами, глупо и нелепо...»³

Грановский писал Н. Х. Кетчеру 14 декабря 1843 года, что противники его ругают как профессора не за то, что он говорит, но за то, о чём умалчивает: «Я читаю историю Запада, а они говорят: зачем он не говорит о

¹ Какая-то деликатность некоторое время сдерживала и Константина Аксакова от открытого разрыва. Так он писал брату, Ивану Аксакову, в неопубликованном письме от 1—2 декабря 1846 года: «Грановский прислал мне билет на свои публичные лекции с запиской, в которой выражается сомнение, пойду ли я на его лекции? Я велел отвечать, что странно мне такое сомнение; впрочем, быть на первой лекции не мог. Надеюсь быть на второй. Москва полна всяких сплетен, говорят, что против Грановского — партия. Тем более должен я сходить к нему на лекции: чтобы доказать с своей стороны, по крайней мере, вздор подобных толков» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, № 8).

² См.: Л. А. Ушакова. Грановский в борьбе с славянофилами.— Ученые записки Томского университета, 1959, № 31, с. 191—197.

³ И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1950, с. 206.

России!»¹ «Остервенение» росло, студенты «шикали» на лекциях близких славянофильству Шевырева и Бодянского и овациями приветствовали Грановского.

С. П. Шевырев читал лекции по древней русской литературе. Они были задуманы как своеобразный противовес влиянию лекций Грановского и как наиболее подходящий способ заинтересовать молодых слушателей близкими славянофильству идеями.

В курсе Шевырева (вышедшем в 1846 году отдельной книгой) древняя русская литература противопоставлялась современной литературе с ее западными влияниями.² Иван Киреевский в неопубликованном письме Шевыреву от 25 марта 1846 года нетерпеливо писал: «Когда выходят твои лекции? Я ожидаю, что они затрагивают много важных вопросов, подельнее мурмоловских велегласий». Тут характерен попутно брошенный камешек в сторону Константина Аксакова и Хомякова, которые своими переодеваниями в русские старые одежды только вызывали смех и компрометировали самую про-

¹ См.: «Т. Н. Грановский и его переписка», т. 1, изд. 2-е. М., 1897. О напряженной борьбе в момент защиты Грановским своей диссертации рассказывает Герцен в дневнике. См.: А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 2, с. 406.

² До чего доходил накал страсти и насколько отчетливо современники запомнили характер лекций Шевырева по отношению к Грановскому и вообще непримязь его к любимому профессору и даже травле его в Московском университете в последние годы жизни, свидетельствует ниже приводимое неопубликованное письмо какого-то неизвестного лица, по-видимому, студента с грубовато ультимативным требованием следующего характера: «Неужели правда, что вы, господин Шевырев, намерены опозорить Грановского надгробным словом? Это будет величайшая дерзость с вашей стороны; это будет святотатство! Желаем от души, чтобы болезнь, пожар, смерть близких вам людей или какое-нибудь подобное благополучие остановило вас от такого преступления. В противном случае нас постигнет событие, еще менее ожидаемое вами: в один из ближайших вечеров в ваш дом влетит несколько десятков камней...» Такова была обещанная серенада нелюбимому профессору, сдобренная дальше словами «ханжа» и «подлец» (ГПБ, ф. 850, № 678).

лаганду славянофильства. А дальше Иван Киреевский продолжал: «Я с нетерпением жду того времени, когда твой взгляд на прошедшую литературу нашу взойдет в кровь текущей словесности!»¹ Эту же мысль Иван Киреевский выразил и в своем печатном отзыве о курсе Шевырева.

Третьим из «ненаших» был А. И. Герцен. Оказавшись в Москве сразу же после ссылки в 1839 году, он некоторое время испытывал симпатии к славянофилам. Белинский был уже в Петербурге, Огарев за границей. Герцен приглядывался к новым знакомым. С Аксаковыми он жил рядом на Сивцевом Вражке². Сам великий спорщик, Герцен нещадно сражался с Хомяковым. Сквозь личные привязанности к тому же Ивану Киреевскому и другим славянофилам у Герцена можно увидеть и нараставшую неприязнь к ним. В 1844 году он уже записал в дневнике: «Более и более расхожусь с славянами...»³ Он осторожно уклоняется от предложений Ивана Киреевского принять участие в «Москвитянине». Статьи Герцена «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы», печатавшиеся в «Отечественных записках», подводили к всесторонней критике всякого «буддизма в науке». Герцен увидел закоснелый тип мышления и у славянофилов: «Славянофилы, наконец, более и более являются узенькими людьми раскола»⁴. И, наконец, пасквильные сатирические стихи Языкова

¹ ГПБ, ф. 850, ед. хр. 290.

² В архиве нам попался список стихотворения К. С. Аксакова «Петру» (1845). Рукой неустановленного лица на нем сделана пометка: «На Сивцевом Вражке в доме Герцена» (ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 1, сд. хр. 80). Что это означает? Написано ли это стихотворение в доме Герцена как продолжение спора о значении Петра I. (в дневнике за 1846 год Герцен не раз касается этой темы в связи с славянофилами)? Или копия снята в доме Герцена? Надпись не поддается исчерпывающему комментированию.

³ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, т. II, с. 390.

⁴ Там же, с. 403.

против западников привели к окончательному разрыву. Ему способствовала и непримиримость Белинского, который нетерпимо относился к временным компромиссам Герцена и Грановского со славянофилами. В недошедшем до нас письме к Герцену критик писал: «Я жив по натуре и с филистимлянами за одним столом есть не могу... Грановский хочет знать, читал ли я его статью в «Москвитянине»? Нет, и не буду читать; скажи ему, что я не люблю ни видеться с друзьями в неприличных местах, ни назначать им там свидания»¹.

Отношения со славянофилами у Герцена осложнялись и снова смягчались в связи с его собственными построениями теории русского общинного утопического социализма. Ему субъективно казалось, что славянофилы — его предшественники, раз они первые обратили внимание на общину как характернейшую черту русской народной жизни. Академик Н. С. Державин в названной статье подробно осветил, в чем сходился и в чем расходился Герцен со славянофилами в этих вопросах². Но в «Письмах к противнику» (1864), то есть Ю. Ф. Самарину, по этому поводу и в личной переписке с ним Герцен выступал (при всех оговорках о «единой цели») как антагонист славянофильства, компромиссного, соглашательского, работяги просовавшего перед властью и попами³. Иван Аксаков пытался пристроить в «Колоколе» некоторые сочинения своего брата, но сотрудничество не состоялось⁴.

Кто такой Герцен, славянофилам и их кругу было всегда очень ясно. А. О. Смирнова-Россет в 60-х годах писала Ивану Аксакову уже как своему единомышлен-

¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, т. IX, с. 164. Письмо дошло в цитировании Герцена.

² Н. Державин. Герцен и славянофилы.— «Историк-марксист», 1939, № 1.

³ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, т. XVIII, с. 274—296.

⁴ См.: «Литературное наследство», т. 41—42. М., 1941, с. 581.

нику о необходимости третирования Герцена. Последнее она встречала в Англии и радовалась, что новая аксаковская газета «День» — хорошее «противоядие» против «Современника» и Герцена: «Не «Колокол», пустой болтун, был страшен и его предисловия, но статьи вроде «Owen» (Оуэн.— В. К.). В них-то высказывалось отсутствие всяких нравственных начал, его наглость, дерзость, его бестиальный материализм»¹.

Славянофилы-утописты не принимали социалистических утопий. На каждом новом повороте истории быстро обозначалась несовместимость их концепций с концепциями западников, и бой закипал с новой силой.

Самым главным противником славянофилов был В. Г. Белинский. Они платили ему ненавистью и даже критиковали власти за то, что те якобы потакали «Отечественным запискам» и «Современнику» и чинили всякие прижимки «Москвитянину», на страницах которого славянофилы полемизировали с Белинским и «натуральной школой». На самом же деле главные удары цензура наносила по прогрессивным журналам Белинского и лишь временами одергивала славянофилов или просто сдерживала их непозволительно грубые полемические выходки².

¹ ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 3, ед. хр. 207, л. 72 и об. Имеется в виду одна из глав «Былого и дум» Герцена, в которой рассказывается о системе Роберта Оуэна. «Бестиальный» — здесь: грубый, животный материализм.

² Так, например, мы узнаем из одного цензурного дела, что в январе 1848 года была запрещена статья Константина Аксакова «О современном литературном споре» (для «Москвитянина»), в которой он пытался полемизировать с «Современником» о роли Москвы и Петербурга. Текст статьи Аксакова был опубликован позднее в газете «Русь», 1883, № 7. В цензурном запрете сказано: «...по слишком резким выражениям о предметах великой важности пропущена быть не может» (ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 1, ч. 1, № 1955, а также ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 5, ед. хр. 9). Ясно, что цензура опекала не Белинского, а «предметы, важные» для нее. Славянофилы напрасно старались набросить тень на политическую репутацию своих противников.

Белинский и славянофилы — это в значительной мере тот случай, когда из одних идей вырастают диаметрально противоположные результаты, когда дружба превращается во вражду, когда противники сражаются почти одним и тем же оружием.

В личных отношениях у Белинского, например, с Константином Аксаковым была первоначально образцовая дружба. Благоволил критику всегда С. Т. Аксаков. Эта дружба достаточно подробно описана в известной монографии А. Н. Пыпина о Белинском (1908) и в упоминавшемся очерке С. А. Венгерова о Константине Аксакове. Добавим несколько новых архивных мелочей.

Во время своей первой поездки за границу в 1838 году Константин Аксаков посетил Петербург. Это было за год с небольшим до того, как туда переехал Белинский, чтобы сотрудничать в «Отечественных записках» А. А. Краевского. Пока Белинский еще сотрудничал в «Московском наблюдателе», в котором Константин Аксаков выступал (так же, как и перед тем в «Телескопе» Надеждина) под псевдонимом К. Еврипида со стихотворными пародиями на Бенедиктова. А с дороги он писал отцу 12 июня: «У Надеждина встретил Краевского и Панаева». Надеждин только что вернулся из ссылки после закрытия «Телескопа» за печатание в нем «Философического письма» Чаадаева, а Иван Иванович Панев обсуждал с Краевским вопрос о приобретении у П. П. Свиньина с января 1839 года права на издание «Отечественных записок». В составлении программы журнала принимал участие и Надеждин¹. Можно сказать, Аксаков застал их за созданием сильнейшего органа будущего западнического направления. Аксаков зорко подметил качества будущих соратников Белинского по «Отечественным запискам». «С Краевским завязался

¹ См. мою книгу: «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века». Изд-во МГУ, 1958, с. 18, 65 и др.

у нас спор: он довольно ограниченный человек. Панаев, с которым, возвращаясь домой, мы шли вместе, прекрасный малый, с душою теплою: он звал меня к себе (также и Краевский), с участием расспрашивал о «Наблюдателе», любит Белинского, что ему и передайте, милый мой отесенька¹. Константин Аксаков и сам желает всех благ Белинскому. В письме из Риги 20 июня он снова вернулся к петербургским впечатлениям, к разговорам с Панаевым: «Воейков не может жить без Белинского и в одно время и любит и ненавидит его. «Ведь он очень умный малый, да так иногда дурит, о, он голова!» — это он беспрестанно повторяет!, то есть повторяет эти слова о Белинском желчный А. Ф. Воейков, издатель «Русского инвалида», автор известной тогда в литературных кругах сатиры-шаржа «Дом сумасшедших». Белинский всегда отзывался о Воейкове саркастически, как об одном из «гениев смирдинского периода» русской литературы, то есть как о беспринципном писаке, трафомане².

А далее Аксаков продолжал о себе: «В великое смущение привели его (то есть Воейкова.— В. К.) стихи мои под именем Еврипидина. «Что ж это они, никак шутят этими стихами, а ведь это поэт, да какой поэт». Панаеву понравились тоже эти стихи, но никто не знал, что Еврипидин — я»³. То есть мистификация вполне удалась, пародии на романтиков, графоманов приняты за чистую монету: вот вам и вкус и проницательность петербургской критики! А о Панаеве еще добавлено: «Он чрезвычайно любит Белинского и хочет писать к нему».

¹ ИРЛИ, ф. 3, оп. 12, № 38.

² Отзыв Воейкова о Белинском еще подогревался тем, что критик сотрудничал в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду», которые Воейков сдал в аренду Краевскому с 1837 года; критик уже тогда начинал влиять на их направление.

³ ИРЛИ, ф. 3, оп. 12, № 38.

Через год с небольшим Панаев и привез Белинского в своей карете в Петербург. Все эти сведения овеяны со стороны Константина Аксакова искренней любовью к великому критику. Но удержаться этим отношениям не было суждено. Через год сложилось и славянофильство.

В своих мемуарах Константин Аксаков припоминал, что еще в кружке Станкевича, то есть в 1835—1837 годах, он уже во многом расходился с Белинским, а потом и с ненавистью относился к его «буйному отрицанию авторитета»¹. А в 1840 году Аксаков уже писал родным о нетерпимом для него «вранье» Белинского и его статьях, о вредном влиянии на общество его кружка: «...предвижу, что мы с Белинским так схватимся литературно, как еще никто с ним не схватывался: надо Белинского определить и поставить на его место, какое он занимает. Или мы с Белинским навсегда разделимся, или он уступит мне, а я уж ему не уступлю»². «Схватку» в 1842 году по поводу «Мертвых душ» проиграл Константин Аксаков. Всякие отношения после этого с Белинским прекратились. Во время посещения Белинским Москвы, где его многие приветливо встречали, Аксаков не появлялся нарочно в обществе, ни у Корша, ни у Чаадаева, ни у Ефремова. Так настроена была и вся семья Аксаковых, за исключением С. Т. Аксакова, который не мог погасить в себе прежних симпатий к критику, не мог не видеть, как прав он во многих суждениях об искусстве. В отрицательной оценке «Выбранных мест...» Гоголя они даже совпадали.

Резко отрицательно относились к Белинскому Хомяков и Языков, о которых критик весьма ядовито, как о

¹ К. С. Аксаков. Воспоминание студенства. СПб., 1911, с. 18.

² «Литературное наследство», т. 56, с. 145.

трубадурах славянофильства, отозвался в обзоре русской литературы за 1844 год. И прежде они к нему симпатии не питали.

Когда в 1846 году в Калуге, в доме А. О. Смирновой-Россет, Белинский встретился с Иваном Аксаковым, последний сначала не мог побороть в себе неприязни к антагонисту своего брата Константина. Из дома ему советовали игнорировать Белинского, но любопытство толкало юношу заговорить с критиком, и в последующих письмах он начинает доказывать, что следует «удостоить Белинского разговором, его, человека умного и талантливого», жизнь которого «прошла не в пошлых интересах». «Убеждения свои менял он часто, но всегда действовал по увлечению и убеждению»¹. Но дальше сближение не пошло, и Белинский все более делался главным врагом славянофилов. И он о них всегда писал резко отрицательно: «А церемониться с славянофилами нечего»².

В теоретическом же плане дело обстояло следующим образом.

В «Литературных мечтаниях» (1834) Белинский еще рассуждал так, как потом будут рассуждать и славянофилы (и тут можно даже учитывать влияние на Белинского ранних статей Ивана Киреевского): народы — суть личности человечества, самобытность состоит в «образе мыслей и взгляде на предметы, в религии, языке и более всего в обычаях». «Чем младенчественнее народ, тем резче и цветнее его обычай...»³

После реформы Петра Великого «масса народа упорно осталась тем, что и была, но общество пошло по пути, на который ринула его мощная рука гения». «Итак, народ, или лучше сказать, масса народа и общество пошли у нас врозь»⁴ (курсив Белинского.— В. К.). Начавшая-

¹ «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», ч. I, т. I, с. 338.

² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII, с. 457.

³ Там же, т. I, с. 36.

⁴ Там же, т. I, с. 40.

ся тогда же новейшая русская литература была не туземным, а «пересадным» растением и выражала духовные потребности общества, а не народа (характерное деление и для Константина Аксакова в его «Опыте синонимов», 1857).

Но уже в этих высказываниях Белинского есть много такого, что отличало его от славянофилов. Он считал реформы Петра I великим благом. Он, как и Пушкин, констатировал сложившееся при этом объективное положение вещей. Похвал допетровской Руси у него нет, для него это эпоха отсталости. Критик считал, что «физиономия народа» еще не вполне выяснилась, ее должно выявить просвещение. В последнее понятие Белинский ничего славянофильского не вкладывал: именно не особое, доморощенное, а в общеевропейском смысле просвещение и должно в этом деле помочь.

Тезис «у нас нет литературы» у Белинского лишь временно означал сходное с тем, что он означал и у будущего славянофила Ивана Киреевского, но последний с самого начала утверждал: нет литературы и не будет, пока продлится разрыв между обществом и народом, возникший из-за реформ Петра I. Какой собственно должна быть «литература народа», славянофилы и позднее толком не знали.

Белинский же скоро разобрался в подлинном механизме исторических связей между обществом и народом. Именно общество в своей просвещенной, мыслящей части, создающее литературу, и является исполнителем лучших чаяний народа. И в этом смысле оказалось, что «у нас есть литература». Ее народность следовало толковать не абстрактно, а именно так, как подсказывал реальный ход вещей. Белинский всегда мог конкретно сказать по существу о содержании понятия народности и усмотреть ее и в «Евгении Онегине», и в «Мертвых душах». В реалистической литературе и выражался дух народа. Белинский видел неоднородность состава обще-

ства и поэтому не рисовал его одной краской, как славянофилы. И в народе он видел разные слои и тенденции, не только вековые чаяния лучшей доли, но и мрак и невежество, суеверие и добровольное холопство. Его аналитический ход мысли вел вперед в познании диалектики связей между «обществом» и «народом». Славянофилы же закоснели на метафизическом, чисто умозрительном разделении их китайской стеной. Отсюда у них парадокс на парадоксе в теории и отрицательное отношение к реализму в литературе, который они принимали за очернительство, антипатриотическое отношение ко всему своему, кровному, русскому.

На самой зрелой стадии развития шафос выступлений Белинского в основном был направлен против славянофилов и предлагаемых ими способов выйти из тупика. Критик не мыслил альтернативно: или Византия или Рим, или Россия (исконное) или Европа (прививное). Он искал исторические связи между различными тенденциями в мировой истории и реальные формы их проявления в России. Хотя славянофилы много хлопотали о народе, на деле они его в расчет не принимали. А Белинский-демократ начинал принимать его в расчет, и оч не только верил в великое «предназначение» России, но и готовил умы к борьбе за ее будущее.

Есть еще своего рода вторичная, навязываемая самими исследователями сложность понимания проблемы взаимоотношения Белинского и славянофилов и соотношения их идей. Она навязывается в результате неверного толкования отдельных высказываний Белинского о славянофилах, произвольного, неточного цитирования, абсолютизации тех полемических «издержек», которые он якобы допускал в борьбе с славянофилами. Эти «издержки» приобретают чуть ли не основной методологический смысл для исследователей славянофилов, всемерно старающихся представить их отмытыми от этих «издержек».

Считаем долгом остановиться на этом, так как эти искусственные усложнения проблемы наблюдаются и в наше время, даже в дискуссии 1969 года, постоянно встречаются в западных работах о славянофилах и имеют прямое отношение к толкованию их творчества и заслуг.

Обычно старательно обыгрываются «оговорки» Белинского, например, в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года». В споре с В. Майковым, считавшим, что «национальность» — это узкая форма, сковывающая поэтов и мешающая им быть оракулами «общечеловеческих» истин, Белинский бросил фразу: «В отношении к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманистических космополитов, потому что если первые и ошибаются, то как люди, как живые существа, а вторые и истины-то говорят, как такое-то издание такой-то логики... Но, к счастию, я надеюсь остаться на своем месте, не переходя ни к кому...»¹

Кажется, в этой фразе все ясно, здесь делается только чисто полемическое допущение: «готов перейти на сторону славянофилов». Но не перешел же. И притом у Белинского четко сказано, что и славянофилы тоже «ошибаются». Между тем, некоторые исследователи находят у Белинского какие-то колебания в сторону славянофилов, готовность идти на компромисс².

¹ В. Г. Белинский. Поли. собр. соч., т. X, с. 29.

² Аналогичная натяжка допускается и с признанием И. В. Киреевского в письме к А. С. Хомякову в 1844 году о том, что он неполный, не заклятый славянофил. Славянофильский образ мыслей он «разделяет только отчасти, а другую часть считает дальше от себя, чем самые эксцентрические мнения Грановского» (курсив автора.— В. К.) (И. В. Киреевский. Поли. собр. соч., т. II. М., 1911, с. 233). Ясно, что и здесь лишь только полемическое допущение. К этому времени Киреевский был уже «полным» славянофилом, стоявшим рядом с Хомяковым. Нельзя оттенки мысли принимать за ее основу.

Или заостряется следующая фраза из воспоминаний К. Д. Кавелина: «В Москве, в одном разговоре с Грановским, при котором я присутствовал, Белинский даже выражал славянофильскую мысль, что Россия лучше сумеет разрешить социальный вопрос и покончить с капиталами и собственностью, чем Европа»¹. Тут, конечно, самое ценное — сакриментальное выражение «славянофильская мысль». Но что же тут собственно славянофильского? Кавелин ведь ничего об этом не говорит. Белинский выражал надежды на Россию, мы об этом знаем из его статей и писем. Но в постановке этого вопроса и его решении у Белинского не было ничего общего с славянофилами. Даже если бы Белинский, как многие западники после него, и надеялся, что Россия решит социальный вопрос лучше Европы при помощи общины (а у Белинского об общине нет ни слова), то и это еще не признак славянофильства. Славянофильское содержание мысли Белинского никак не раскрыто Кавелиным, оно только померещилось Кавелину. Здесь выражение «славянофильская мысль» не больше как простая проходная фраза, обозначающая, что в России будет «лучше», чем в Европе. Воспоминания Кавелина никак не могут служить основой для каких-либо определенных выводов о «славянофильстве» Белинского.

Некоторые участники дискуссии 1969 года прибегали к беззастенчивому «монтажу» вырванных из контекста цитат Белинского, доказывая его солидарность со славянофилами. Например, бралась из того же обзора литературы за 1846 год фраза: «славянофильство, без всякого сомнения, касается самых жизненных, самых важных вопросов нашей общественности»². Создается впечатление, что только славянофилы и касаются этих важ-

¹ «Белинский в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1948, с. 91.

² В. Г. Белинский. Поли. собр. соч., т. X, с. 17.

нейших вопросов и что именно они поставили их на очередь дня. А на поверку оказывается, что исследователь опустил следующую фразу у Белинского: «Как оно их касается и как оно к ним относится — это другое дело»¹. Белинский не соглашается с тем, как решают славянофилы жгучие вопросы современности. Это видно и из другой, также опущенной фразы: «Дело в том, что положительная сторона их доктрины заключается в каких-то туманных мистических предчувствиях победы Востока над Западом, которых несостоительность слишком ясно обнаруживается фактами действительности, всеми вместе и каждым порознь»².

Один из участников дискуссии цитирует кусочек фразы: «...славянофилы правы во многих отношениях» — и опускает ее продолжение: «...но тем не менее их роль чисто отрицательная, хотя и полезная на время»³. Говоря об уважении к «причинам», вызвавшим славяночество, Белинский еще и еще раз обращает внимание на главное: «...но, рассмотревши его ближе, нельзя не увидеть, что существование и важность этой литературной котерии чисто отрицательные, что она вызвана и живет не для себя, а для оправдания и утверждения именно той идеи, на борьбу с которойю обрекла себя»⁴. Лишь до «известной степени» славянофилы были правы, согласно Белинскому, в критике русского «европеизма». Но в целом они не понимали ни Запада, ни России, если указывали на загнивание Запада и на «смирение как выражение русской национальности»⁵.

Увлекаются исследователи, делая из Белинского славянофила путем выхватывания из контекста его статей, полуфраз, отдельных кусочков. Говорит, например, Бе-

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. X, с. 17.

² Там же.

³ Там же, с. 20.

⁴ Там же, с. 17.

⁵ Там же, с. 17 и 23.

линский: «Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль...»¹ А нам выдают это за славянофильское бахвальство. Скажет Белинский: «У себя, в себе, вокруг себя, вот где должны мы искать и вопросов и их решения»², а нам это преподносят как славянофильское отгораживание от западного. А у Белинского эта фраза имеет совсем другой смысл: «Европейских элементов так много вошло в русскую жизнь, в русские нравы, что нам вовсе не нужно беспрестанно обращаться к Европе, чтобы сознавать наши потребности: и на основании того, что уже усвоено нами от Европы, мы достаточно можем судить о том, что нам нужно»³. То есть тут говорится о том, что нужно осмыслить все вопросы нашей жизни в соответствии с опытом России, уже породнившейся с Европой. А нас уверяют: нечего эти вопросы принимать как наши собственные. Белинский против шаблонов, а наши монтажеры — против существа вопросов. Делается передвижечка в сторону славянофильской исключительности.

Раздраженные высказывания некоторых литературоведов о том, что «канонические стереотипы» суждений демократов о славянофилах «мешают» изучать славянофилов объективно, не имеют под собой никаких оснований. Со временем К. Д. Кавелина повелось считать, что противники славянофильства в жару полемики «делали» за них выводы из их тезисов, приписывали им то, чего они не говорили, осыпали их насмешками — и «все это пошло ходить по белу свету под фирмою славянофильства»⁴. Ю. З. Янковский готов назвать каждодневный огонь критики Белинского, Герцена, Чернышевского про-

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. X, с. 21.

² Там же, с. 32.

³ Там же, с. 19—20.

⁴ См.: К. Д. Кавелин. Полн. собр. соч., т. III. СПб., 1899, с. 1146.

тив славянофилов причиной, помешавшей «отцам» славянофильства «сискать» должную популярность в широких слоях общества¹. Впрочем, и сам Ю. З. Янковский в дальнейшем изложении то и дело опирается на критиков-демократов, и это лучшие, наиболее методологически четкие страницы его в общем содержательной и полезной книги.

Современный исследователь, который не уклоняется от «окончательных», классовых определений сущности славянофильства, всегда придет к Белинскому и признает его суждения о них и о проблемах, которые обсуждались тогда в полемике, единственно последовательными и образцово правильными. Хотя не исключено, что и Белинский мог в деталях ошибаться, например, безоглядно объединять «Москвитянин» со славянофилами.

¹ Ю. З. Янковский. Из истории общественно-литературной мысли 40—50-х годов XIX столетия. Изд-во Киевского государственного педагогического института им. А. М. Горького, 1972, с. 10.